

коллективе, имеющем самобытный репертуар, крепкую режиссуру, сыгранный ансамбль, сильных ведущих актеров. Пусть не все равноценно в этих спектаклях, в них есть главное — ощущение жизненной правды, вера в действительность происходящего на сцене, достоверность характеров и положений.

Еще ничто не предвещает надвигающихся событий, когда мы впервые видим Михайлу, героя «Земли», в мирной рощице близ сенокоса. Ю. Величко играет Михайлу мужественным, чистосердечным, немного даже простодушным человеком. Это тот самый «крестьянский сын», каким его рисует поэтическое творчество народа, — рослый, сильный, в высокой островерхой барашковой шапке, в расшитой безрукавке поверх белой рубахи. В его облике есть благородство непосредственных чувств, он с трогательной искренностью говорит о своей любви к бедной крестьянской девушке Анне (ее в мягких лирических тонах играет Л. Луганская). Много событий отделяет эту первую их встречу от последнего свидания в лесу — сцены, являющейся высокой и полнителемской удачей спектакля. Мужественный лиризм, отмечающий игру Величко, здесь достигает особенно большой впечатляющей силы. Как раз вслед за тем и наступает Михайлу пуля, посланная Саввой из отцовского ружья.

Савва, которого играет Е. Степанов, в начале спектакля колюч и недоброжелателен, но пока это лишь свойство дурного права. Сознание ущемленности своих прав, прав младшего наследника, приходит к нему не сразу, и больше всего — под воздействием его возлюбленной Рахиры (артистка К. Ципа), злой и жадной стяжательницы. Читавшие повесть без труда заметят здесь «выпрямление» характера в плане отрицательном: у Кобылянской Савва сложнее, в нем борются противоречивые наклонности. Однако театр прав, не выпячивая переживаний этого персонажа: суть не в них. Степанов играет жертву жестокого времени. Но он нигде не оправдывает Савву, показывая только судьбу человека в страшном мире собственности.

Со скупой и безошибочной выразительностью В. Сокирко передает драму старого Федорчука. Кряжистый, медлительный, многословный, с обветренным лицом, усталым взмахом натруженных рук, Ивоника

Федорчук живет в безответных раздумьях о жизни и людях. Этот образ, почти лишенный активного внешнего действия, выделяется среди других актерских достижений спектакля по силе своей социальной, психологической, бытовой типизации.

Драматический темперамент М. Киселевой, играющей жену Федорчука Марию, вспыхивает в сцене у тела убитого Михайлы. И вся эта сцена в целом значительна тем, что выдвигает в центр образ народа. Крестьянская масса еще нема и пассивна. Она не созрела для решительных действий. Враждебная австрийскому правосудию, она может пока только скорбно комментировать происходящее.

Сильная сцена. Она выиграла бы, однако, если бы убитый не демонстрировался так долго и обстоятельно, — это бьет на эффект чисто натуралистического характера.

Это же относится к картине свадьбы Параси. Красочная сама по себе, включающая народные обряды, песни, пляски, она вообще никак не относится к действию. Это вставной этнографический номер, затянутый чуть ли не на целый акт.

Если не считать этих режиссерских приложенных к действию, социальная драма «Земля» — спектакль суровой поэзии, созданный в согласии с исторической правдой народной жизни.

Ольге Кобылянской уже на склоне лет довелось дожидаться радостного дня воссоединения Северной Буковины с Украинской Советской Социалистической Республикой. И полна значения та сцена из спектакля «Весенний поток», где председатель колхоза Василина берет с полки книгу Кобылянской и перелистывает страницы недавней, но уже такой далекой действительности.

Пьеса З. Прокопенко, вообще говоря, не является новым словом в советской литературе. События колхозной стройки, которые Буковина пережила лишь после Великой Отечественной войны, давно уже отражены нашими прозаиками и драматургами. Дело не только в конкретном жизненном поводе: Прокопенко не скрывает, что он учится у наших лучших, признанных писателей. Не случайно, скажем, один из его героев сравнивает себя с Кондратом Майданником из «Поднятой целины», а другой — на этот раз обидливо — с Долгоносиком из комедии Корнейчука «В степях Украины».

З. Прокопенко в своей пьесе идет от ценных традиций советской литературы, советского сценического реализма. Следуют им и постановщик спектакля, главный режиссер Б. Борин и лучшие исполнители. Влияние Корнейчука только помогает найти верный ключ комедийных решений. И если колебания единоличника Антона иной раз действительно заставляют вспомнить шолоховского Кондрата Майданникова, а сопротивление Глушага — другой персонаж «Поднятой целины», Якова Лукича Островнова, то эти типические судьбы почти всегда наполняются на сцене конкретным, самобытным жизненным содержанием.

Так, ссылка автора на шолоховский прообраз не поработила Ю. Величко, играющего Антона. Актер большого обаяния и искреннего темперамента, Величко показывает путь молодого единоличника к правде новой, колхозной жизни, как путь романтического героя, как путь борьбы с конкретными носителями зла — врагами социализма, поначалу опутавшими Антона.

Своей дорогой приходит к коллективу и единоличник Тодор Гуцуляк. П. Михневич исполняет эту роль очень искренно, с подлинной комедийностью. Мягкая сочувственная улыбка актера освещает простодушные размышления старого хлебороба.

Достоверной внутренней жизнью живет на сцене Василина, молодая коммунистка и еще более молодая председательница колхоза. М. Киселева интересно ведет эту роль. Чем увереннее шаги Василины — руководителя, чем прочнее утверждается колхоз, тем свободнее и светлее раскрывается ее натура, тем больше находит себя героиня, тем легче ей всей душой отдаться делу. От первоначальной суровости, некоторой даже скованности, прикрывающей вполне понятое волнение, к спокойному самообладанию — таковы ступени роста героини.

Интересны и образы колхозных активистов. Много молодой жизнерадостности в поведении Фросины, — ее играет Л. Гринченко. С острой характерностью исполняет А. Срибный роль Побегайчика.

Порой театру приходится преодолевать недостатки драматургии, ставящие некоторых участников «Весеннего потока» в трудное положение. Так, В. Сокирко вынужден «утеплять» роль секретаря райкома Петрачука одним своим личным сценическим

обаянием, потому что она написана приблизительно, в самых общих чертах. Плакаты в пьесе и на сцене характеры врагов — такие примелькались еще в спектаклях двадцатилетней давности.

Словом, как и в «Земле», ошибки — более значительные и менее значительные — здесь имеются. Но все это ошибки хорошего в общем спектакля. Удачи преобладают. Они-то и вызывают желание продолжить знакомство с театром, поближе узнать приглянувшихся актеров, среди которых — крепкие мастера, даровитая молодежь.

Афиши оповещают о «Ревизоре». Играют П. Михневич, В. Сокирко, А. Срибный и другие, уже ставшие знакомыми, актеры. Раздвигается занавес, актеры вступают в свои обязанности, и — странное дело — мы не узнаем ни их, ни театра.

Те самые актеры, которые правдиво перевоплощались в образы народной истории, здесь, словно сговорившись, демонстрируют искусство представления, да еще в самых стертых его формах. Каждый представляет за свой страх и риск, нисколько не заботясь об ансамбле. И хотя в программе обозначена фамилия постановщика — А. Слесаренко, режиссерский замысел в этом спектакле неуловим. На сцене — откровенный стилизованный разнобой, где тонут отдельные попытки исполнителей вжиться в гоголевский образ, в гоголевский стиль. Похоже, что попытки реалистического толкования возникают вопреки режиссеру, ведущему актеров на поводу давно отживших штампов.

Б. Захава как-то писал об иных истолкователях «Ревизора», которые «стремились создать на сцене какой-то особый, страшный мир гоголевских харь, каких-то ископаемых чудовищ. У Городничего, например, полагался очень низкий обезьяний лоб, огромная картофелина вместо носа и злобно оскаленный рот».

Писалось это о прошлом. Между тем точно такую маску носит Городничий — Михневич. Вдобавок шаблонная внешность идет вразрез с существом поведения персонажа. Единства нет не только в общем замысле спектакля, но и в пределах одного образа. В самом деле, к чему зверская маска, если этому Городничему дороже всего собственное спокойствие и хотя бы внешнее спокойствие вверенного ему города? Это истинный хранитель «устоев». Он кажется